

Чжоу Ян

СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ, ВЕРБАЛИЗОВАННЫЕ УСТОЙЧИВЫМИ СРАВНЕНИЯМИ С КОМПОНЕНТАМИ «БАРАН», «ОВЦА», «КОЗЁЛ» И «КОЗА», В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Животные баран, овца, козёл, коза с древнейших времён окружают человека и являются носителями многочисленных стереотипных и символических представлений, не совпадающих у разных народов. Данная статья представляет собой попытку рассмотрения словесного воплощения стереотипных представлений устойчивых сравнений с лексемами *баран, овца, козёл и коза* в качестве эталона в сравнительных конструкциях, как устойчивых, так и окказиональных. Целью нашего исследования является выявление когнитивного основания для воспроизводимости данных единиц и отраженной в них национально-культурной специфики, а также описание их лингвокультурологического потенциала. Основной задачей работы является описание национально-специфичного и универсального в значениях устойчивых сравнений на уровне символов и стереотипов в русском и китайском языках. Для выполнения этой задачи использовались данные ассоциативного словаря, словарей сравнений, толковых и фразеологических словарей, а также материалы Национального корпуса русского языка и Национального корпуса китайского языка. В результате анализа было выяснено, что четырём эталонам сравнений русского языка (баран, овца, козёл, коза) соответствует один эталон сравнения китайского языка (ян). Главным результатом работы является выявление различий на уровне коннотативной оценки данных сравнений: в русском языке эта оценка является отрицательной, в китайском (особенно с компонентом ян) — в основном положительной. Описание данной особенности в лингвокультурологических словарях поможет избежать неудач при межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: устойчивые сравнения, стереотипные представления, основание сравнения, национально-культурная специфика, лингвокультурологический потенциал

Данное исследование ведётся в аспекте лингвокультурологии. Это сравнительно молодая наука, которая сегодня уточняет и дополняет свой терминологический аппарат, ведёт отбор материала, уточняет способы его описания.

Сравнительные конструкции фразеологического характера представляют особый интерес, как в русской, так и в китайской лингвистике. Изучению устойчивых сравнений (УС) посвящено много работ. На сегодняшний день уже накоплен значительный опыт исследования для определения статуса этих единиц, их разграничения, для выявления их функциональных особенностей, для описания стилистической и жанровой специфики. Эти и другие вопросы обсуждались в трудах таких ученых как В.М.Огольцев, Л.А.Лебедева, В.М.Мокиенко, А.В.Кунин, А.С.Алёшин, О.М.Неведомская, Е.К.Николаева, И.В.Кузнецова и др.

Труды китайских ученых немногочисленны: Чжэн Сяо, Ши Ши, Ма Гофань, Юй Фэннин. Сравнительные конструкции китайского языка долгое время не были предметом отдельного исследования, их включали в состав фразеологических единиц и не выделяли в отдельную группу. Как отдельный класс эти единицы начинают изучаться с середины XX столетия.

Стереотипы и символы культуры, репрезентируемые различного рода фразеологизмами, в том числе и УС, входят в сферу интересов лингвокультурологов. Целесообразно, на наш взгляд, обратить внимание на *национально-специфичные* образные УС, которые транслируют стереотипы, символы, эталоны определённого народа и представляют трудности для понимания представителями другой культуры. С этой целью необходимо выявить наиболее актуальные для носителя языка образы, символы и стереотипы.

Вопрос о феномене стереотипа представляется сложным, ибо он рассматривается в разных областях науки. В научный обиход понятие стереотип было введено У.Липпманном. Применительно к лингвистике, В.В.Красных рассматривает стереотип как «являющийся коллективным достоянием, обусловленный культурой результат эмоционально-образного восприятия определённого класса однотипных феноменов, например, люди, животные, артефакты» [1, с. 322]. М.Л.Ковшова, вслед за В.В.Красных, относит стереотипы к «единицам сознания как когнитивной подсистемы лингвокультуры» и указывает на необходимость анализа стереотипных представлений [2, с. 323]. В лингвокультурологии **стереотип** — это фрагмент или образ картины мира, существующий в сознании. «Это некоторый образ — представление, это “ментальная картинка”, некое устойчивое, минимизировано-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или о ситуации» [3, с. 178]. Понятие **символ** в данной работе понимается как «вещественный, графический или звуковой знак, служащий условным обозначением какого-либо понятия» [4, с. 322]. Правильно интерпретированные стереотипы и символы в составе устойчивых сочетаний способствуют успеху межкультурной коммуникации, позволяют разрешить конфликт культур. В настоящее время общепризнанной представляется гипотеза о том, что главной причиной непонимания при межкультурном общении является не различие языков, а различие национальных сознаний коммуникантов [5, с. 8; 6, с. 165]. Поиск путей смягчения и предотвращения конфликтов в межкультурной коммуникации и выявление системного описания закрепленных в языке культур на сегодняшний день имеет особую значимость в

лингвистике. Согласно В.Н.Телия, устойчивые сравнения выступают одним из источников культурно-национальной интерпретации разнообразия лингвокультурной общности [7, с. 241]. Зоонимы, присутствующие в качестве образа-эталона в данных единицах, по словам В.В.Красных, «это не просто слова, за ними стоят определенные “ментальные картинки”. А это уже по своей сути стереотипы сознания, которые всегда культурно маркированы и детерминированы» [8, с. 80].

Важность анализа когнитивных, эмотивных, аксиологических установок стереотипов в описании языковых и культурных явлений в настоящее время не подвергается сомнению. По мнению Ю.Е.Прохорова, изучение национальных социокультурных стереотипов речевого общения носителей того или иного языка оказывается важным для выявления культурного наследия, заложенной в языке культуросферы [9, с. 192].

Биоморфный код культуры относится к числу базовых кодов, поскольку человек начал осваивать мир с того, что было у него всегда при себе (соматический код) и что окружало его в повседневной жизни (зоонимический код). По словам М.Л.Ковшовой, «действия животных, их сущностные характеристики, онтологические свойства входят в образ фразеологизма, становятся основой его образования, будучи уже переосмыслены в культуре, уже подвергнуты усложнённому, символизированному восприятию мира» [2, с. 147]. Лексемы «баран», «овца», «козёл» и «коза» выступают как стереотипные образы и могут употребляться для характеристики человека.

Чтобы определить корпус единиц ценных с точки зрения лингвокультурологии, мы опирались на данные «Большого словаря русских народных сравнений» В.М.Мокиенко и Т.Г.Никитиной [10], «Словаря устойчивых сравнений русского языка» В.М.Огольцева [11] и «Словаря сравнений и сравнительных оборотов в русском языке» К.С.Горбачевича [12], на материалы «Русского ассоциативного словаря» и Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [13]. Кроме данных НКРЯ, были получены результаты проведенного нами анкетирования 100 носителей русского языка в возрасте от 18 до 65 лет, имеющих среднее и высшее образование. Опрос производился в онлайн-формате. Респондентам было предложено отметить три известные им УС с разными эталонами. Сопоставление полученных данных с материалами китайского языка позволяет нам определить лакуны, несоответствия стереотипного и символического представления, репрезентированного УС с компонентом-зоонимом русского и китайского языков. Нами были отобраны 56 единиц из словарей сравнений русского языка и 23 единицы из Национального корпуса китайского языка 语料库在线 (в китайском языке отсутствует специализированный словарь сравнений) [14].

Чтобы получить представление о месте данных единиц в языковом сознании носителей русского языка, мы воспользовались данными «Русского ассоциативного словаря», поскольку именно этот словарь «моделирует вербальную память и языковое сознание «усреднённого» носителя русского языка» [15, с. 5]. Материалы РАС позволяют получить необходимую нам информацию.

Словарь даёт представление о том, что по числу общих реакций наиболее частотными в ассоциативном ряду являются лексемы *баран* (542), *овца* (649); меньшее количество ассоциативных реакций вызвали слова *козёл* (110) и *коза* (104). Таким образом, мы получили подтверждение того, что данные компоненты сравнений являются актуальными для русского языкового сознания.

Чтобы выявить культурные стереотипы русского народа, отраженные в русских сравнительных конструкциях с компонентами *баран*, *овца*, *козёл* и *коза*, мы провели анализ частотности употребления данных единиц, используя статистику ключевых слов (KWIC) основного корпуса НКРЯ. Сплошной выборкой были извлечены сравнительные конструкции в количестве 280 единиц. Данные НКРЯ подтверждают частотность данных компонентов в художественном и публицистическом стилях речи, соответственно: 116 (*баран*); 72 (*овца*); 40 (*козёл*); 53 (*коза*).

Данные лексемы в русском языке развивают переносные значения: *Баран* ‘о глупом, упрямом человеке’ [16, с. 32]; *Овца* ‘о робком, безответном человеке’ [16, с. 441]; *Козёл* ‘о человеке бесполезном в каком-л. отношении’ [16, с. 276]; *Коза* ‘о резвой, бойкой девочке, девушке’ [там же].

В составе УС компоненты-зоонимы используются и в прямом, и в переносном, и в собственно фразеологическом значении. Наша задача состояла в том, чтобы определить коннотативное значение УС с данными компонентами и сравнить его с китайскими аналогами.

(1) УС с эталоном «баран»

В словарях сравнений зафиксировано около 20 УС с компонентом *баран*: *курчавый (кудрявый, кучерявый) как баран*, *глупый (бестолковый, непонятливый) как баран*, *глядеть (смотреть) на что, кого-л. как баран*, *упрямый как баран*, *упираться как баран*, *смотреть (уставиться) как баран на новые ворота*, *бежать как баран*, *блеять как баран*, *большой как баран*, *брыкаться как баран*, *стоять как баран*, *вид у кого как у барана*, *скакать бараном*.

Основание сравнения *глупый* в НКРЯ встречается крайне редко, из 116 контекстов наблюдаются 4 случая, вероятно потому, что эталон *баран* становится синонимом и символом глупости: «Другой, Алексей Петрович Шубин, был жалкое, ничтожное создание, блудливый как кошка, глупый как баран». [Ф.Ф.Вигель. Записки (1850—1860)].

Следует отметить, частотными являются выражения *упрямый как баран*. Это относится и к фанатичной настойчивости — той, которая граничит с глупостью: «Недрузи утверждали, что Саша *упрям, как баран*. [Марианна Баконина. Школа двойников (2000)]; «И мне даже кажется, что Вербицкая с Дубовицкой действительно искренне верят, что именно таков их зритель. *Тупой и упрямый как баран*. [Зацепило: По просьбам миллионов телезрителей... // Комсомольская правда, 2006.08.02]».

По данным НКРЯ компонент *баран* чаще всего используется в составе выражения: *смотреть / глядеть / уставиться как баран на новые ворота* ‘ничего не понимая; разг. неодобр.’.

1. «Мы хотим, чтобы в Центр современного искусства приходил зритель и не смотрел на экспозиции *как баран на новые ворота*, чтобы ему не надо было объяснять, как талантливо положена краска и в чём гениальность его создателя, чтобы он сам ощущал себя не маленьким человечком в большом мире искусства, а ценителем, умеющим отличать посредственное от совершенного». В поисках сложного человека (2013.04.12) // «Новгородские ведомости», 2013].

2. «На задачу же я *уставился как баран на новые ворота* и оставил ее в покое». [Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)].

3. «Из-за чего смотрел на шедевры мирового искусства, посвященные библейским сюжетам, *как баран на новые ворота*». [В.В.Овчинников. Калейдоскоп жизни (2003)].

4. «*Как баран на новые ворота*, я плясую на каждое слово и все равно не въезжаю» [Варвара Синицына. Муза и генерал (2002)].

В данном выражении по отношению к человеку формируется значение ‘смотреть на что-либо как глупое животное, ничего не понимая’.

Частотным является так же выражение *упираться как баран* ‘бессмысленно, но упорно противиться чему-либо’:

1. «И *упирается как баран* когда дело доходит до соблюдения Стамбульских соглашений 1999 года о полном выводе своих военных баз с территории Грузии» [Валерий Лебедев, Тенгиз Харатишвили. Прошлое и будущее маленькой империи // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.12.07].

2. *Уперся*, извини, *как баран*, побагровел весь, глаза — сверкают. [Андрей Столяров. Наука расставаний // «Звезда», 2002].

3. Каждый *упирается как баран* и ни с места! [Владимир Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969—1975)].

Как баран, т.е. ‘глупо, бестолково’ можно сидеть, стоять, бежать. Это одно из древнейших устойчивых сравнений, встречающихся во многих языках и диалектах. В толковых словарях отмечается переносное значение данного слова: ‘о глупом, упрямом человеке’ [16, с. 32; 17, с. 42]. Данная семантика воплощается в таких устойчивых сравнениях, как: *глупый как баран, смотреть/глядеть/уставиться как баран на новые ворота; упрямый, упираться как баран*. Историю мотивировки можно проследить до глубокой древности, как отмечается в этимологическом словаре: «Баран и овца издавна служат символом глупого человека. Это сравнение употребляли и древние греки» [18, с. 44]. Приведём примеры из НКРЯ: «Ну, чтобы я был в курсе, а не *сидел* рядом, как баран. [Елизавета Козырева. Дамская охота (2001)]; «А к тебе ее подружка клеится, ты же — как баран здесь *сидишь* [Анатолий Мельник. Авторитет (2000)]; «Поденок Лёха даже не посмотрел на противника, он был уверен, что Кирилл *стоит*, где и прежде, как баран, и ждёт, когда его ударят снова. [Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 21-39 (2011)].

К народному представлению об этом животном, отпечатавшемся во фразеологии, прибавляется значение, продиктованное христианской религией: ‘безропотный, покорный, послушный’ в выражении *как баран (овца) на заклание*. Носители русского языка используют сегодня эталон сравнения *баран* при характеристике человека покорного, безропотно подчиняющегося судьбе, так как баран часто выступает в качестве жертвенного животного в библейских текстах [19, с. 58]. Например, *как баран на заклание, как баран перед смертью*.

Таким образом, за эталоном *баран* в русском языке закреплены такие стереотипы поведения как: 1) глупость; 2) упрямство; 3) покорность.

По результатам Интернет — опроса на стимул *как баран* наиболее частотными были следующие ответы: упрямый (83), упирается (50), смотрит (47), тупой (43).

(2) УС с эталоном «овца»

В словарях сравнений найдены 11 УС с компонентом овца: *беззащитный как овца, кроткий как овца, покорный как овца, послушный как овца, трусливый как овца, безобидный (мирный) как овца, бестолковый как овца, блять как овца, глупый (дурной) как овца*.

УС *как овца* определяется лингвокультурологическим словарём следующим образом: животное крайне неумное, покорное, безропотно подчиняющееся судьбе. Для неё характерны беззащитность и полное отсутствие способности постоять за себя [19, с. 132].

Переносное значение слова *овца* толкуется в толковых словарях как разговорное, ‘о робком, безответном человеке’ [16, с. 441; 17, с. 440-441]. Такие черты характера находят отражение в выражениях НКРЯ *дрожать, трястись как овца, как безгласная овца*.

Более того, в НКРЯ слово *овца* употребляется при характеристике женщины, внешность или поведение которой напоминают поведение овцы: *белоснежная как овца, курчавая как овца, лохматая как овца, большая как овца, взъерошенная как овца*; для описания глупости женщины, *дурная, глупая как овца*; для описания человека, покорного судьбе, *как овца на заклание, как овца на бойне, как безгласная овца, как беззащитная овца*.

В этимологическом словаре есть выражение *заблудшая овца* (о сбившемся с праведного пути человеке) из евангельской притчи. [18, с. 487]. Так называли того, кто отступил от Бога. И найти «верный путь» - значит снова прийти к истинной вере.

Существует также выражение *паршивая овца* — о плохом, оказывающем дурное влияние на окружающих человеке [там же]. Оно образовано усечением пословицы *Одна паршивая овца всё стадо портит*. Особое внимание уделяется данному выражению, поскольку оно по значению совпадает со словосочетанием в китайском языке, однако в китайском языке используется компонент *конь* 害群之马.

По результатам Интернет-опроса на стимул *как овца* наиболее частотными были следующие ответы: паршивая (64), глупая (58), блеет (43), трусливая (32).

(3) УС с эталоном «козёл»

В словарях сравнений найдены 13 УС с компонентом козёл: *упрямый как козёл, прыгать (скакать, подпрыгивать, подсакивать) как козёл, бегать как козёл, блять как козёл, брякать как козёл, дикий как козёл, перепрыгивать как козёл, упираться как козёл, упрямый как козёл, бодаться как козёл*. Отсюда видно, что компоненты УС *баран* и *козёл* используются с разными основаниями сравнения в русском языке. Статистика НКРЯ позволяет нам определить разнообразие оснований в данных единицах в количественном отношении. Ядро семантического поля с эталоном *баран* в УС русского языка составляет понятие *глупость*: из 116 случаев этот компонент употребляется 46 раз, что составляет 39,6% от общего числа. Эта частотность намного превышает аналогичный параметр слова *козёл*, составляющий 5%. Следует отметить, что при вербализации понятия *глупость* русские предпочитают использовать выражение *смотреть, глядеть* или *установиться на новые ворота* как с компонентом *баран*, так (гораздо реже) и с компонентом *козёл*: «Что ты смотришь, дурак, как козел на новые ворота?» [А.И.Куприн. С улицы (1904)].

В толковых словарях переносное значение слова «козёл» — ‘о человеке бесполезном в каком-л. отношении’, ‘быть способным только на дурные поступки, не совершать ничего хорошего’ [16, с. 276; 17, с. 282]. В составе фразеологических оборотов УС обрастает следующими негативными значениями: *драть козла*. Петь плохо, неприятным голосом; *Как от козла молока*. О человеке бесполезном в каком-л. отношении; *Пускать козла в огород*. Давать кому-л. доступ туда, где он может быть особенно вреден; *Козел отпущения* (разг.) — о человеке, на которого постоянно сваливают ответственность за все плохое [16, с. 276]. В составе паремий усиливается значение бесполезности, «никудашности» человека, которого сравнивают с козлом: *От него, как от козла, — ни мяса, ни молока; Зачем попусту козлам сено травить: от них ни шерсти, ни молока*. Наиболее частотным в прессе является выражение: *Пустить козла в огород, Доверить козлу капусту охранять*. Это выражение характеризует человека с позиции честность - бесчестность: нельзя козлу доверять капусту, он её съест, т.е. нельзя жулику доверять общественные материальные ценности, он использует своё положение в корыстных целях.

Лексема *козёл* и в составе УС представляет собой зоосемантическую метафору — метафору, которая отсылая к названию животного, подчеркивает отрицательные черты характера человека. В общей сложности слово «козёл» может быть использовано в качестве универсального оскорбления по отношению к мужчине. Тем временем, были обнаружены случаи опущения основания в сравнительных конструкциях с компонентом *козёл* в русском языке. Это происходит не случайно, поскольку читатели способны установить основание выражения в зависимости от содержания контекста, ассоциируя его с закреплёнными представлениями о компоненте-зоониме. Как полагает Е.В.Огольцева, «это бывает довольно часто — в силу устойчивости, воспроизводимости конструкции: признак уже существует в коллективном языковом сознании говорящих, и для его проявления достаточно указать на сам факт сравнения с предметом В» [20, с. 76]. Например: «— Ну чего ты, *как козел?* — сказал Дима. — Вылутился в телевизор, че ты, баб не видел? — Видел... Ай, да ну тебя! — я махнул на него совсем. [Нина Садур. Сад (1994)]».

(4) УС с эталоном «коза»

В словарях сравнений указаны 12 УС с компонентом *коза*: *лазить (прыгать, скакать) как коза, бегать как коза, блять как коза, жевать как коза, как коза перед смертью, сидеть как коза, капризный как коза, резвый как коза, смотреть на что-л. как в афишу коза, упрямый как коза*. Можно сказать, что наиболее частотными основаниями в УС с компонентом *козёл* и *коза* являются глаголы движения при описании особенностей действия и передвижения. Например, *прыгать, скакать, лазить, бегать как козёл / коза*. В НКРЯ для описания различного рода передвижений для слова *козёл* существует 17 единиц, составляющих 42,5% от всех случаев; для слова *коза* — 30 единиц, составляющих 56,7%.

Контексты в НКРЯ также показывают: компонент *коза* иногда употребляется в сравнительных конструкциях для характеристики взбалмошной, вздорной девушки или девочки, отличающейся особым упрямством, как показано в НКРЯ: *упереться, брыкаться, упрямая как коза*. Используется эталон и при характеристике движений человека, как правило, нелепых прыжков или суеты. В НКРЯ контекст: «— Валька Марвич не заходил сюда, ребята? — спросил я. — Нет, не видели его. Что за пропасть! Может, он уже в вагончике давно со своей Татьяной, а я тут *бегаю, как коза?* Решил я сходить в вагончик. [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]».

При описании характера человека за компонентом *коза* закрепились в основном негативная аксиологическая оценка в сравнительных конструкциях. Слово *коза* может употребляться как универсальное оскорбление по отношению к женщине, девушке [19, с. 86].

В общей сложности, в русском языке *баран* — символ тупости и упрямства, *овца* — символ глупости и покорности, *козёл* — символ агрессивной тупости, *коза* — легкомыслие и глупость.

В русском языке УС имеют четкую структуру: эталон и основание сравнения, сравнительный союз (как, словно, будто): *беззащитна как овца*.

В китайском языке обычно используется структура сравнительных конструкций такого типа: сравнительный союз 像/象/如同/好像/好似 в значении «как», следует за этим словом, образ, например, 羊**янь** (баран / овца / козёл / коза), в конце служебное слово 一样/般, иногда эта часть опускается.

За «козлом» и «козой» в китайском языке стоят стереотипы с положительной оценкой при описании отличительных черт характера человека 心里象有只小羊跳 (на душе весело как козёл / коза прыгает), 像勇敢的山羊 (смелый как козёл/коза); используется стилистически нейтральная лексика при описании внешности человека 山羊一样的胡须 (борода как у козла); 羊角辫儿 (заплетённая косичка как рог барана).

В китайском языке с «бараном» или «овцой» ассоциируется представление покорного характера, доброты и визуального положительного эстетического чувства. Были найдены выражения: 像绵羊一样驯服 (покорный как баран/овца), 绵羊般的温顺 (послушный как баран/овца), 性子善的象绵羊 (добрый как баран / овца), 象一只可爱的小羊一般 (милый как баран/овца), 那云象羊 (облака как баран / овца).

В китайском языке очень редко различается понятие рода. В отобранных единицах чётко указывается род лишь в сравнениях 象好斗的公羊一样 (задиристый как козёл) и 像公山羊一样顶架 (драться как козлы) и др. Результат анкетирования показал, что 85% китайцев в речи не различают «баран» «овца» «козёл» «коза». Это, несомненно, ведёт к коммуникативным неудачам и затрудняет процесс обучения русскому языку китайских студентов, что заслуживает особого внимания исследователей.

В русском и китайском языках наблюдаются совпадающие лексико-тематические группы сравнительных конструкций с компонентами «баран», «овца», «козёл», «коза» при переносе свойств животных на сходные качества внешности и поведения человека. Различие состоит в том, что данные единицы в китайском языке вызывают приятное чувство у людей. Для китайского языкового сознания лакунарной тематической группой является «уровень интеллекта человека». В общей сложности, в русском языке за компонентами «баран», «овца», «козёл», «коза» стоит отрицательная аксиологическая оценка, в то время как национально-культурная маркированность сравнительных конструкций в китайском языке обладает доминантно положительной оценкой.

Баран 羊 имеет большое значение для китайской аграрной культуры и занимает первое место среди шести домашних животных 六畜 (исторически важнейшие домашние животные для китайцев). Лексема 羊 Янь в китайском языке обладает богатой символикой, не совпадающей с русской. В книге «Шовень цзецзы» (первый словарь иероглифов с приведённым анализом строения иероглифического знака) Сюй Шэнь отметил, что иероглиф 羊 (Янь) по способу начертания и произношению подобен иероглифу 祥 (благополучие, счастье). Баран считается доброжелательным и благоприятным животным в силу того, что он послушен, его легко одомашнить, и он предоставляет людям пригодное в пищу вкусное мясо. В древности благодаря этой специфике 羊 Янь был обожествлен. Керамика в форме барана появилась в бассейне реки Янцзы около 7000 лет назад, в период культуры Хемуду (5000—4500 гг. до н. э.). Древние жертвенные ритуалы использовали барана в качестве основного животного, способного служить посредником в человеческой и небесной коммуникации. Китайский иероглиф 美 (красота) формируется из иероглифов 羊 и 大 (большой). В «Шовень цзецзы» Сюй Шэнь отмечал, что большой баран — это символ красоты. На востоке философская концепция красоты по происхождению связана с животным 羊, которое может пожертвовать своей жизнью, и выступает в качестве подношения. Как говорится в книге Т.В.Лариной, в коллективистских культурах, типичными представителями которых являются Китай и Япония, высоко ценится самопожертвование [21, с. 41]. Этимологический анализ показывает, что это слово обладает древней историей и культурным подтекстом, свойственным китайским языковым единицам.

Во фразеологической картине мира китайского языка, особенно в Чэньюй, зачастую не различаются лексемы «баран», «овца», «козёл», «коза» и выражаются как 羊 (здесь рассмотрим в качестве понятия «баран», репрезентирующего всех четырёх животных). В сознании китайского народа родовые различия крайне размыты.

Кроме этого, в китайской фразеологической традиции компоненты-зоонимы часто используются парами, например, баран и тигр, баран и волк. В языковой картине мира китайского народа *баран* символизирует бедного и покорного человека, а *тигр* является символом сильного и злого человека. Так, *баран* и *тигр* являются постоянными компонентами в сравнительных конструкциях: 好似羊入虎群 (опасно; как баран, попавший в стаю тигров), 好像羊入虎口 (находиться в опаснейшем положении, как баран попавший тигру в пасть), 好像虎荡羊群 (как тигр вломился в баранье стадо — обр. пользуясь силой, делать всё, что заблагорассудится).

Традиционная китайская культура неразрывно связана с 羊 Янь. Изучив большое количество археологических и документальных данных, мы можем сделать вывод, что данный символ представляет не просто животное, а существенный концепт, дух, проникающий во все аспекты традиционной китайской культуры. Более того, он также оказывает огромное влияние на формирование характера китайского народа и в значительной степени воплощает традиционное китайское мышление и поведение.

В китайском языке общее количество сравнительных конструкций намного меньше, чем в русском языке. Сравнительные конструкции китайского языка долгое время не были предметом отдельного

исследования и занимали периферийное положение в работах по фразеологии. До сих пор не хватает такого типа специализированных словарей, статьи которых охватывали бы более значительный языковой материал; по этой причине упомянутые единицы были взяты из толковых словарей и Национального корпуса китайского языка 语料库在线 [14].

В результате проделанного анализа мы пришли к следующим выводам:

(1) Сравнительные конструкции с компонентами «баран», «овца», «козёл» и «коза», в русском языке несут, как правило, отрицательную коннотацию и преобладают в количественном отношении. В противоположность русскому языку, в китайском языке лексемы «баран», «овца», «козёл» и «коза» обозначаются в составе УС одним компонентом и обладают положительной коннотацией.

(2) В русской фразеологической картине мира по сравнению с китайской воплощаются более ярко родовые и видовые различия зоонимов, вербализованные в сравнительных конструкциях.

(3) Сравнительные конструкции любого языка представляют несомненный интерес для лингвокультурологии, поскольку позволяют реконструировать стереотипы национального сознания. Лингвокультурологический анализ данных единиц выявил ряд расхождений во взглядах на единицы «баран», «овца», «козёл» и «коза» у носителей русской и китайской культур.

Таким образом, в двух лингвокультурах формируются несовпадающие культурные коннотации, которые требуют дополнительного лингвокультурологического комментария как в русской, так и в китайской аудитории.

1. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис: 2016. 496 с.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.
3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и дополн. Назрань: Пилигрим, 2010. 485 с.
5. Тарасов Е.Ф. Введение к «Языку и сознание: парадоксальная рациональность». М., 1996. С. 6-15.
6. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: этнопсихоллингвистическая парадигма исследования // Методология современной психоллингвистики: Сб. ст. М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 162-174.
7. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
8. Красных В.В. Воспроизводимость как феномен лингвокультуры // Языковое сознание: парадигмы исследования / Под ред. Н.В.Уфимцевой, Т.Н.Ушаковой. М.-Калуга: «Эйдос», 2007. С. 79-90.
9. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. 224 с.
10. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 800 с.
11. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М.: АСТ, Астрель, Русские словари. 2001. 800 с.
12. Горбачевич К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 285 с.
13. Национальный корпус русского языка [Электр. ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.02.2020).
14. 语料库在线 (Национальный корпус китайского языка) [Электр. ресурс]. URL: <http://corpus.zhonghua.yuwen.org> (дата обращения: 17.02.2020).
15. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.
16. Современный толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2004. 1536 с.
17. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 70 000 слов / Под ред. Н.Ю.Шведовой. М.: Рус. яз., 1990. 960 с.
18. Бирин А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
19. Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б. и др. Русская культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. М.: Гнозис. 2004. 318 с.
20. Огольцева Е.В. Предикативы как слова-сопроводители устойчивых сравнений русского языка // Вестник Вологодского государственного университета / Отв. ред. Н.Н.Постникова. Вологда, 2016. № 1(1). С 72-77.
21. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

References

1. Krasnyh V.V. Slovar' i grammatika lingvokul'tury: Osnovy psiholingvokul'turologii [Dictionary and grammar of linguoculture: Foundations of psycholinguoculturology]. Moscow, 2016. 496 p.
2. Kovshova M.L. Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: kody kul'tury [Linguocultural method in phraseology: culture codes]. Moscow, 2016. 456 p.
3. Krasnyh V.V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lekciy [National psycholinguistics and cultural linguistics: a course of lectures]. Moscow, 2002. 284 p.
4. Zherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Nazran', 2010. 485 p.
5. Tarasov E.F. Vvedenie k "Yazyku i soznanie: paradoksal'naya racional'nost'" [Introduction to "Language and Consciousness: Paradoxical Rationality"]. Moscow, 1996, pp. 6-15.
6. Ufimceva N.V. Yazykovoe soznanie: jetnopsiholingvisticheskaja paradigma issledovaniya [Language Consciousness: National psycholinguistics Research Paradigm]. Coll. of papers "Metodologiya sovremennoy psiholingvistiki". Moscow; Barnaul, 2003, pp. 162-174.
7. Teliya V.N. Russkaya frazeologija: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, 1996. 288 p.
8. Krasnyh V.V. Vosproizvodimost' kak fenomen lingvokul'tury [Reproducibility as a Phenomenon of Linguoculture]. In: Ufimceva N.V., Ushakova T.N., eds. Yazykovoe soznanie: paradigma issledovaniya. Moscow; Kaluga, 2007, pp. 79-90.

9. Prohorov Yu.Ye. Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo obshheniya i ih rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrancev [National sociocultural stereotypes of speech communication and their role in teaching Russian to foreigners]. Moscow, 2017. 224 p.
10. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoy slovar' russkikh narodnykh sravnenij [A large dictionary of Russian folk comparisons]. Moscow, 2008. 800 p.
11. Ogol'cev V.M. Slovar' ustoychivyh sravneniy russkogo yazyka [Dictionary of stable comparisons of Russian language]. Moscow, 2001. 800 p.
12. Gorbachevich K.S. Slovar' sravneniy i sravnitel'nykh oborotov v russkom yazyke [Dictionary of comparisons and comparative turns in Russian]. Moscow, 2004. 285 p.
13. Nacional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian national corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 10.02.2020).
14. Nacional'nyy korpus kitayskogo yazyka [Chinese national corpus]. Available at: <http://corpus.zhonghuayuwen.org> (accessed: 17.02.2020).
15. Russkiy associativnyy slovar' [Russian associative dictionary] in 2 vols, vol. 1. Moscow, 2002. 784 p.
16. Kuznecov S.A., ed. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, 2004. 1536 p.
17. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: ok. 70 000 slov [Dictionary of the Russian language: approx. 70,000 words]. Moscow, 1990. 960 p.
18. Biriĭ A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskij slovar' [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Moscow, 2005. 926 p.
19. Brileva I.S., Vol'skaya N.P., Gudkov D.B. et al. Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskij slovar' [Russian cultural space: Linguocultural dictionary]. Moscow, 2004. 318 p.
20. Ogol'ceva E.V. Predikativy kak slova-soprovoditeli ustoychivyh sravneniy russkogo yazyka [Predicatives as accompanying words for stable comparisons of the Russian language]. Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016, no. 1(1), pp. 72-77.
21. Larina T.V. Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikacii: Sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnyh tradicii [Category of politeness and communication style: Comparison of English and Russian linguistic cultural traditions]. Moscow, 2009. 512 p.

Chzhou Yan. Stereotyped images about a person, verbalized by fixed similes with components “ram”, “ewe”, “male goat” and “female goat” in Russian and Chinese. Animals ram, ewe, male goat, female goat have surrounded man since ancient times and are carriers of numerous stereotypical and symbolic images that differ among peoples. This article is an attempt to consider the verbalization of stereotyped images of lexemes *ram*, *sheep*, *male goat*, *female goat* as vehicles in fixed similes, including stable and occasional constructions. The purpose of our study is to identify the cognitive basis for the reproducibility of these units and the national cultural specifics reflected in them, as well as to describe their linguocultural potential. The main task of the work is to describe the national specifics and universal characteristics in the meanings of fixed similes at the level of symbols and stereotypes in Russian and Chinese languages. To accomplish this task, we used the data of associative dictionary, comparison dictionaries, explanatory and phraseological dictionaries, as well as materials from the Russian National Corpus and Chinese National Corpus. As a result of the analysis, it was found that four vehicles of comparisons in Russian (ram, sheep, male goat, female goat) correspond to one vehicle of comparison in Chinese (yang). The main result of the work is identification of differences in connotative assessment of these comparisons: in Russian, this assessment is negative, in Chinese (especially with component yang) it is basically positive. The description of these features in linguocultural dictionaries will help to avoid failures in intercultural communication.

Keywords: fixed similes, stereotyped images, basis of comparisons, national cultural specifics, linguocultural potential.

Сведения об авторе. Чжоу Ян — аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета СПбГУ; ORCID: 0000-0002-4469-8688; chzhou2018@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.08.2020. Принята к публикации 25.08.2020.